

Услышав слова Ду Ую, Ду Цяньсуй и Линху Сянь заметно смягчились в лице.

Однако Линху Сянь, видя, как её дочь принижает себя, почувствовала укол в сердце. Она ласково потянула Ду Ую за руку и проговорила:

— Если ты так рассуждаешь, то это, конечно, самое лучшее. Ты еще молода и не понимаешь тонкостей жизни в глубине дома, мне, как матери, нужно тебя кое-чему научить.

Этот Ли Юаньцзинь, хоть и является жалким рабом из Шэньлоу, лицом до ужаса похож на ту самую Лу Цюаньюань. Я слышала, что Шэн Шэчуань после свадьбы уже несколько дней ночует в его покоях... Тебе стоит быть начеку.

Ду Ую в недоумении спросила:

— Но ведь я и купила Юаньцзиня, чтобы он прислуживал дяде Шэну. Разве не хорошо, что дяде Шэну нравится проводить время у него?

— Конечно, всё не так просто, как ты думаешь. Мужское сердце не устоит перед чувствами и красотой. Даже такой великий герой, как Шэн Шэчуань, пал к ногам Лу Цюаньюань, разве не так?

Ты из-за той дуры Хань Инжо уже навлекла на себя гнев Шэн Шэчуаня, а этот Ли Юаньцзинь, напротив, стал ему еще дороже. Для тебя это совсем не к добру.

— Матушка, что вы имеете в виду?

— Я хочу, чтобы ты научилась управлять этим Ли Юаньцзинем. Используй его как пешку: не позволяй ему возомнить о себе невесть что из-за милости господина, но в то же время пользуйся его положением, чтобы он замолвил за тебя доброе слово.

Ду Ую, не до конца понимая суть, почесала затылок:

— Кажется... я не совсем улавливаю вашу мысль.

Линху Сянь, видя такое выражение лица у дочери, не удержалась и с любовью погладила её по головке, тихо рассмеявшись:

— Ах ты моя глупышка. Не беда, если не понимаешь. При случае я сама приду и проучу этого Ли Юаньцзиня, дам ему пару советов. А ты просто живи спокойно, как подобает знатной барышне.

— А? Ну хорошо...

Хотя Ду Ую всё еще не до конца понимала, что именно задумала Линху Сянь, уверенность матери её успокоила. Она решила дождаться момента, когда та перейдет к действиям, чтобы самой поучиться у неё мудрости.

Тем временем ничего не подозревающий Ли Юаньцзинь по-прежнему сидел в своей маленькой пристройке.

В комнате всё еще витал дух недавней близости. Шэн Шэчуань только что поднялся с постели и ушел умываться, а Ли Юаньцзинь, совершенно обессиленный, лежал в постели, отрешенно глядя в окно.

Снег на улице давно перестал идти, и последние несколько дней до слуха доносились лишь звуки уборки снега.

Ли Яньцин был в числе тех, кто расчищал территорию, отвечая за старый сад.

Несмотря на юный возраст, руки у него были золотые. Чтобы скоротать время, он лепил из снежных сугробов фигуры.

Там были и птицы, и звери, и молодые господа, и красавицы — всё выглядело настолько живо, что слуги и ученики из других дворов сбегались посмотреть на это чудо.

Все восхищались снежными изваяниями, даже не догадываясь, что единственный обитатель старого сада, Ли Юаньцзинь, не видит этой красоты. Он мог лишь слушать восторженные возгласы и погружаться в свои мысли, представляя, что же там происходит.

— Этот Ли Яньцин совсем распоясался, столько народу собрал, просто невыносимо, — Шэн Шэчуань, умывшись и переодевшись, вышел из-за ширмы, с раздражением прислушиваясь к шуму снаружи.

Поскольку снег растаял, Зал Миншань был приведен в порядок, и Шэн Шэчуань уже подумывал о том, чтобы покинуть пристройку и вернуться к делам.

Но этот бестолковый Ли Яньцин превратил место его уединения в туристическую достопримечательность, из-за чего Шэн Шэчуань, который не хотел, чтобы ученики знали о присутствии Ли Юаньцзиня, не мог даже выйти из комнаты.

— Рано или поздно я заставлю этого Ли Яньцина чистить отхожие места, — в сердцах бросил Шэн Шэчуань и посмотрел на Ли Юаньцзиня.

Тот, однако, смотрел в окно и даже не заметил, что сказал господин.

— О чем ты думаешь?

Когда Ли Юаньцзинь молчал, в его профиле сквозила невыразимая печаль.

Черты лица у него, как у мужчины, были куда суровее, чем у женщины. Но, глядя на этот профиль, Шэн Шэчуань почему-то чувствовал, что перед ним Лу Цюаньюань.

Ему казалось, что она, как и много лет назад, сидит на этой маленькой кушетке.

Либо безучастно смотрит на цветущие груши за окном, либо молча вспоминает что-то печальное.

— Глава... — Ли Юаньцзинь, услышав голос Шэн Шэчуаня, вздрогнул, нервно взглянул на него и выдавил улыбку, пытаясь угодить.

Его улыбка, полная подобострастия, вмиг разрушила воспоминания Шэн Шэчуаня. Тот сразу нахмурился:

— Не улыбайся. Впредь чтобы я не видел твоей улыбки.

— ...

Ли Юаньцзинь поспешно спрятал улыбку, вновь становясь прежним — молчаливым и печальным.

Впрочем, для него не улыбаться было даже проще: в его жизни всё равно не было ничего, что стоило бы радости.

— Ты не ответил на мой вопрос. О чем ты думал?

— Я? Я просто... слушал звуки снаружи.

Шэн Шэчуань сел рядом и ласково погладил его по виску:

— Тоже хочешь пойти посмотреть на тех снеговиков?

Ли Юаньцзинь замер, затем покачал головой и прошептал:

— Я хочу остаться с главой, мне не нужно никуда выходить...

Это было сказано не от чистого сердца. Шэн Шэчуань это понял. Он даже усмехнулся, щелкнул Ли Юаньцзиня по губам и тихо проворчал:

— Лгунишка.

Ли Юаньцзинь от боли прикрыл рот, его щеки вспыхнули, он не смел произнести ни слова, боясь разгневать Шэн Шэчуаня.

— Не называй себя рабом. Просто говори «я», как сейчас, так звучит естественнее.

— Да...

— Наверное, скучно сидеть здесь со мной? — Шэн Шэчуань взял его за подбородок, заставляя посмотреть на себя. — Чем ты любишь заниматься? Расскажи мне, я постараюсь исполнить твои желания.

Ли Юаньцзинь с недоумением посмотрел на Шэн Шэчуаня, не ожидая, что тот будет заботиться о его предпочтениях.

— Я... я люблю рукоделие. Умею вышивать кисеты и плести узлы.

— Рукоделие? Разве это не женское занятие?

— Простите, глава. В детстве мы жили бедно, и матушка говорила, что рукоделие поможет мне прокормиться и помочь семье, чтобы отчим не бил. К тому же, у меня не всё в порядке с ногами, на людях меня часто высмеивали, вот я и сидел дома, чтобы не терпеть обид.

— Хорошо. Я прикажу Яньцину принести тебе всё необходимое.

Шэн Шэчуань согласился без колебаний. В конце концов, это были всего лишь нитки да иголки, а секта Суньюэ была богата, чтобы не скупиться на такие мелочи.

— Спасибо, глава... Но у меня есть еще один вопрос.

— Какой?

Ли Юаньцзинь тихо спросил:

— Раньше глава запрещал мне говорить с кем-либо. Не знаю... считается ли Яньцин посторонним? Можно ли мне продолжать с ним общаться?

— Ли Яньцин и Сюй Цинцэ — можно. Я уже поручил Сюй Цинцэ следить за твоим здоровьем, если станет плохо — обращай к ней. Кроме них двоих, ни с кем не смей контактировать.

— Да... — Ли Юаньцзинь кивнул, и на душе у него стало легче.

С детства у него не было друзей, и Ли Яньцин был единственным, с кем он мог поговорить в секте Суньюэ. Он не хотел терять эту возможность.

В обед Шэн Шэчуань вызвал Ли Яньцина, велел ему убрать ледяные скульптуры от входа и передал просьбу Ли Юаньцзиня.

Ли Яньцин и не думал, что его забава доставит хлопоты Шэн Шэчуаню. К счастью, тот лишь немного пожурил его, не наложив никакого наказания, и даже разрешил впредь лепить снеговиков в другом месте.

Ли Яньцин согласился, и к вечеру все скульптуры были перенесены в другие дворы. У входа стало пусто, и прежняя тишина вернулась в обитель.

После ужина Шэн Шэчуань, вопреки обыкновению, не остался ночевать у Ли Юаньцзиня, а сказал, что отправится в Обитель Слушающих Снег, навестить Шэн Ханьсяна.

— Шэн Ханьсян? Кто это? — Ли Юаньцзинь, разбирая принесенные Ли Яньцином нитки и ткани, с любопытством взглянул на него.

— Ты даже не знаешь, кто такой Шэн Ханьсян? Это же сын нашего главы и Цюань Юань-цзюнь. Он сейчас примерно твоего возраста, очень красивый и интересный молодой господин.

<http://bllate.org/book/22248/2326795>